

Метафизика молчания

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar

написано kitapcy | 26 января, 2025

Метафизика молчания МЕТАФИЗИКА МОЛЧАНИЯ

Жертвам Холокоста посвящается

В сфере звукового хаоса нам суждено являть себя себе подобным. Тишины не существует вовсе. Сила звука может нарастать или ослабевать, но никогда не иссякать. Так с момента Творения. Так с момента Создания.

Существовала ли Первозданная тишина?

Нам не дано постичь этого.

Однако само понятие тишины предполагает образ Первозданности. Обратиться в тишину, подсказывает нам наше сознание, означает причаститься к Первозданности. Не уйти, не исчезнуть, не пропасть, не окаменеть, а продолжить себя в той Запредельности, с которой все Началось, которой, в конечном итоге, все Завершается.

Для всех ли открыта Она – Неземная Запредельность?

Как нам, ограниченным, ответить на вопрос, который требует не знания, не волевого напряжения, не интуитивного наития и даже не аскетической отрешенности, а причащения к той же области или сфере, об открытости которой мы позволили себе вопрошать?! Однако все то, что вершится, свершается здесь, на Земле, указывает: в последние отчаянные дни, часы, минуты пребывания в оболочке брэнной плоти очень многим из людей суждено было стать Потусторонними. Да, Первозданность открыта, но только для тех, кто в последние мгновения своего дыхания сделал шаг навстречу Ей, к Ней приник. Первозданность, обернувшись тишиной, вобрала их в Себя. Тех, кто растворился в том, чего быть не может после Творения, – в Тишине.

Речь идет о евреях Холокоста.

А их палачи?

Следы, оставленные ими в истории своим пребыванием здесь-и-тогда, знаки, “вписанные” ими в “книгу о прошедшем”, фиксируют только одно, но со всей возможной определенностью: человекоубийцы являются в пределы Человеко-Бытия.

Путь шедших в Тишину есть Молчание – Великое Безмолвие обреченных говорить, как ты, малыш, как ты, старец, как Вы, молитвой вопрошающие!

Иные, чеканя шаг, проникли в их местечки, в круг их бытия, маленький, но говорливый, да так, что весь мир слышал. Проникли, нет, проникают в прикрытые и защищенные места. Местечки же их жизни не были защищены. Под открытым небом, как все чистое и бесхитростное, их местечки находились. Вторглись человекоубийцы в пестрый мир их хлопотной жизни.

Они замолкли после вторжения.

Многое можно в мире слов, улыбок и слез! Но истреблять сам мир, в котором только и возможно возможное, разве это возможно?

Оказывается, да.

Но если возможно истребление всех тех, о ком так сладко щемит сердце – и о тебе, старая гордая Сара, и о тебе, мудрый учитель Аарон, и о тебе, “потешка” ты наша, Иосиф..., – скажите, как выйти из этого мира возможного?

Они, невинно убиенные, осуществили невозможное, вышли За

пределы возможного, причастились уже здесь, на земле своих местечек, к Великому Невозможному.

Они превратились в Молчание. Они сделали шаг в Тишину на Земле, в мире не стихающего шума.

Нет, не минуты молчания достойны Вы, родные наши, а Вечного Молчания.

Существует Памяти Вашей Вечное Молчание!

Нам, непостижимым образом после Них принужденных быть в пределах той оболочки, из которой Они вышли, суждено говорить. Специалисты-историки – реставраторы времени – занимаются своим профессиональным делом, и панорама ужасов обретает, сколь ни кошунственно это звучит, все более и более яркие очертания. Об этих немифических ужасах люди должны знать. Там, где учат, где дают образование, а не приручают, есть курсы Холокоста – жертвоприношения еврейского народа на алтарь, являющийся символом Человеко-Бытия.

Историки продолжают исследования, добывая свидетельства и факты, изучая архивы и анализируя мемуары. Мы получаем зарубки на память. Память участвует в формировании нашего сознания. Мы понимаем, что так Было. От этого никуда не деться. С этим суждено жить всем поколениям Настоящего и Будущего.

Взглянем лишь на одно свидетельство:

Прислушаемся: “По обсчету французских социологов только 2% оставшихся в живых узников гитлеровских лагерей смерти способны были потом рассказать о пережитом” (Гефтер М. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. – М.: Научно-просветительский центр “Холокоста”, 1995, с. 17.)

Сделаем попытку проникновения вглубь Молчания.

Любой народ представляет собой единое целое, существует именно как этнос потому, что самоосуществление каждого его представителя, жизнь конкретной личности данного народа,

проходит в границах определенной Традиции. Ее можно вообразить сферой культуры, во многом по аналогии с такими понятиями как “биосфера” или “ноосфера”. Вне биосферы не существует жизни. Вне ноосферы не существует воздействия человеческого разума, общества в целом на окружающий мир. Вне определенной Традиции нет народа. Традиция задает определенную картину мира – его образ в сознании людей, являет образцы поведения, вплоть до регламентации взаимоотношений между поколениями или регламентации ритуально-обрядовой практики, например то, в какое время, какие и как отмечать праздники. Картиной мира и непосредственно связанной с ней житейской практикой народы и отличаются друг от друга. Понятно, что эти различия могут быть большими, а могут быть незначительными. Понятно, что с развитием науки, техники, образования эти различия стираются. В перспективе представители разных народов будут все больше и больше похожи друг на друга, как человек на человека. Но поскольку нет человека-вообще, человека-абстракции, в той степени, в какой человек является личностью, он будет сохранять собственное своеобразие. Его уникальность выражается и в его национальном достоинстве. Традициям будут следовать, несмотря на развитие интернациональной электронной системы связи. Образ жизни, например, китайца и японца отличался и будет отличаться от образа жизни англичанина и француза. Еврей и русский придерживались и будут придерживаться, скажем, разных систем летоисчисления.

В еще большей степени сказанное касается прошлого. Понять поведение народа в той или иной ситуации, понять, почему именно так, а не по-другому представители определенного этноса вели себя, можно только осознавая особенности их Традиции. Она указывает Путь, которым следует идти, даже тогда, когда возможности выбора пути практически отсутствуют.

Проникнуть вглубь еврейского Великого Молчания в период попытки их тотального уничтожения – означает сквозь призму тысячелетия существовавшей Традиции взглянуть на Путь, проделанный ими. Конкретные факты, в таком случае, можно представить следами на этом Пути. Воспроизведение его – посильное создание пунктиров – можно условно обозначить словом

“метафизика”, учитывая исторически сложившееся значение этого слова. Другими словами, если конкретные события обозначить словом “физика”, то попытка их осмысления, проникновения вглубь их сущности, значения и смысла для нас, может быть обозначена понятием “метафизика”. Метафизика Молчания стала возможна только после пятидесятилетнего онемения от тех ужасов, которыми наполнилась территория Европы.

Традиция позволяла евреям Холокоста ответить на вопрос, кто они и откуда. Да, как и все люди, как каждый в отдельности, – от мужчины и женщины, сотворенными Всесильным по образу своему, благословенными Им и получившими Завет: “Плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю и овладейте ею, и владейте над рыбами морскими и над птицами небесными и над всяким животным, пресмыкающимся по земле” (Тора. Брейшит 1:28.)

Традиция позволяла евреям Холокоста ответить на вопрос, в чем сущность их. Да, как всех людей, как каждого в отдельности, – в том, что обладают они телом и душой: “И образовал Бог Всесильный человека из праха земного и вдунул в ноздри его дыхание жизни, и стал человек существом живым”. (Тора. Брейшит 2:7.) Тело создано из праха земного. Оно растет, обретает силу, стареет, дряхлеет и приходит в негодность для той миссии, которая предначертана ему – быть вместилищем “дыхания жизни”. Оно и есть душа – Его выдыхание. Там, где есть выдыхание, есть и вздох. Когда брэнная оболочка рассыпается, Его вздох возвращает душу к Исконности. Вполне можно представить, что вздох этот является вздохом нежного сочувствия.

Что в таком случае можно сделать с человеком?

Отнять только то, что брэнно. Любое насилие оказывается отчаянным актом бессилия. Отчаяние заключено в самом бессилии, а бессилие вызвано, в конечном итоге, все тем же актом волевого усилия, направленным на преодоление собственной ограниченности. Ощущение ограниченности, оказывается, способно

привести к попытке такого его преодоления, которое ведет к разрушению всего естественным образом существующего. Бедствия влекут своей активностью возжелавшие быть выше других, быть первыми. Непомерность желаний в совокупности с попыткой реализовать их, и приводит к бессилию, вызывающему насилие над теми, кто не подвергся духовной коррозии от осознания своей “непервичности”. Бессилие разрушает человеческое в человеке. Внешняя оболочка его остается прежней, а вот все то, что является внутренним содержанием, претерпевает уродливое отклонение от нормы. Внутренний остов внешне нормального человека преобразуется в нечто чудовищное, в такое, что и звериным-то назвать нельзя. Особая порода душегубов образуется – губителей собственных душ.

Душегубы явились в местечки дыхания жизни. Им под силу оказалось убиение тел человеческих. Душегубы – убийцы тел человеческих глумились над самой жизнью, изгалялись над самим естеством.

Еврейская духовная традиция со всей определенностью давала возможность понять: то, что против Его Творения, то, что противостоит в гордыне своей и отчаянном бессилии Ему, есть Его антипод. Мучители тел человеческих – антитворения. Существует только один способ противостоять им – Творить.

Евреи Холокоста XX века сотворили Молчание. Здесь, на Земле Сотворили. Уподобились Всесильному в Созидании.

Катились ли слезы по щекам жертв в минуты Творения Великого Молчания?

Может быть, мы можем свидетельствовать изменение биологической природы человека пред фактом явления Его антипода в местечки дыхания жизни?

Истязания тела вызывают мучительную боль, которую не преодолеть. Боль горячо любимых разрывает сердце и все то, что в состоянии содержаться в сознании, концентрируется в единственном вопросе, сотрясающем воспаленный мозг – за что? За что такое с нами? Такое даже с хищными зверями не

допустимо.

...Но вот она, невинная Ревекка; а вот к груди прильнул младенец; здесь рядом большая шумная семья Иакова, Яшки-балагура нашего; а Нихама все хлопочет о своем Рувиме, под ручку держит его или сама держится за него под ручку; с трудом переставляет ноги старый Хаим, но выпрямил плечи и гордо держит голову; не выпускает из рук том Шолом-Алейхема, опубликованный на идиш, умница Додик, даже пред огромным рвом-бездной, готовым поглотить в свою разверзшуюся пасть весь этот мир...

За что? Известен ответ душегубов: только за то, что вы – евреи. Но они, Ревекки и Иаковы, Нихамы и Рувимы, Хаимы и Додики в своем еврействе видят величие, не унижающее других, а естественное для них самих, как весеннее солнцестояние. Не евреи же оборотни-душегубы.

Так за что же? Как бы далеко кто-либо из приближающихся ко рву-бездне не отошел от исконного еврейства, невозможно было не осознавать единства в беде, горе-злосчасти. Несчастье объединило, сблизило, возвратило в родное лоно даже тех, кто отклонился от него в порыве самореализации.

В еврейской духовной традиции вопрос “За что?” звучал неоднократно. Воспаленное изуверскими мучениями сознание могло реконструировать содержание этого вопроса. Частицы сознания, созданные Традицией, составляли образ, заданный самой постановкой кошмарного вопроса.

Это был, прежде всего, образ Иова.

Вот он, пораженный сатаной мученик, благочестивый и чистый пред людьми, трепещущий от свершившегося над ним насилия, вопрошающий сакраментальное “За что?”. За что он потерял трудом нажитое? За какие проступки страдать ему от гибели сынов единокровных? “Покрыта плоть моя червями и комьями праха, кожа моя иссечена и истаивает, – говорит он, обращаясь к родным и дальним, дольнему и горнему. – Дни мои бегут быстрее челнока и кончаются без надежды. Вспомним, что лишь дуновение – жизнь моя, (уж) не придется глазам моим видеть доброе”. (Кетувим. Ийов. 7 : 5-6.) Древний Иов, вопрошающий “За что?”, чей образ был задан Традицией в сознании мучеников XX века, не

ведал причины, побудившей дать возможность сотворить над ним насилие. Но сознание того, что причина-то известна – низвержение всякого сатанинского сомнения в благочестии, – а мученик ее не ведал; сознание того, что вопрос “За что?” есть вопрос не постижимый, есть вопрос раскаявшегося в попытке вопрошать Иова, и получившего благословение от Господа, не могло хотя бы отчасти не облегчать участи страдальцам.

Ситуация Иова – реалии Холокоста.

Холокост – это в шесть миллионов раз увеличенное Событие Иова!

Для обозначения не имеющей аналогов в мировой истории трагедии, случившейся с еврейским народом, на иврите укоренилось слово “шоа”, что означает страшное разрушение, катастрофа.

В понятии Катастрофа отражается важнейший аспект происшедшего с еврейским народом.

Дело в том, что невозможно представить еврейскую культуру без того огромнейшего влияния, которое оказала на нее европейская культура. Обратим особое внимание на то, что речь идет не просто об исторических событиях, явлениях, коллизиях, противоречиях, а о духовном развитии народа. Еврейство как историческое самобытное целое, не застывшее в какие-либо прошлые века, включает в себя столько компонентов, созданных под воздействием европейской духовности, что отделять одно от другого означает, буквально, резать по живому, уничтожать живую ткань.

Если приступить к обоснованию данного утверждения, придется составлять многотомные энциклопедии, которые, впрочем, уже составлены, так что достаточно обратиться к ним, чтобы убедиться в этом. Вспомним только о культуре, непосредственно связанной с языком идиш, вспомним о становлении и развитии хасидизма, вспомним, в какой мере и степени причастна европейская история и культура к истории и культуре еврейского народа: есть все основания говорить о евреях средневековья, евреях Ренессанса, евреях Просвещения, евреях

капиталистической эпохи. Но в таком случае, то, что произошло с еврейским народом в XX веке, есть его глубочайшая внутренняя трагедия. Удар нанесен не извне, а изнутри, из глубин культуры, к которой евреи причастны как субъекты. Сколь бы трудно не было осознавать это, но насколько в еврейском наследии присутствует европейский компонент, настолько события кровавых лет разорвали живую ткань еврейской духовности, исторический процесс XX века уничтожил европейское в еврействе.

Это – Катастрофа!

После нее не возвратиться к былому. После нее бывшее становится культурно-историческим наследием, а настоящее отсутствует. Больше нет европейского еврейства! Есть определенное количество евреев, проживающих на территории европейских стран.

Трудно признать, но возродить европейское еврейство кощунственно по отношению к памяти зверски замученных жертв. На территории любого государства можно построить синагогу и распевать на иврите псалмы, добавлю, если это либеральное государство. Но еврейский дух, сплетенный с духом народа, в среде которого евреи проживают, – это совсем другое. Это другое два тысячелетия формировалось в масштабах целой Европы, и в течение десятилетий было уничтожено. Уничтожено навсегда.

Это – Катастрофа.

Ее последствия необратимы! Корневая система европейского еврейства вырублена, или другими словами, европейское еврейство уничтожено на корню.

В понятии Катастрофа отражается и другой не менее важный аспект, касающийся уже народов Европы. Еврейская духовная традиция оказала на них такое сильное влияние, которое не сопоставимо по интенсивности воздействия и глубине даже с античной культурой. Последняя, бесспорно, может быть образно представлена в качестве родителей культуры Европы, при этом Древнюю Грецию можно вообразить матерью, а Древний Рим –

отцом. Но воздействие родителей, хотя всегда и сказывается, однако далеко не всегда является определяющим. Так и в случае с Европой. Она – христианка по своему же волеизъявлению. Можно долго спорить о качественном уровне ее христианской духовной жизни, но бесспорным является ее сознательное стремление к идеалам и ценностям, связанным с евангельским образом Иисуса Христа. Но христианство-то в момент своего становления было не чем иным, как ответвлением иудаизма. Христианство – плоть от плоти еврейской культуры. Христианство есть творение еврейского мятежного духа. Если мы даже условимся не признавать трех последних утверждений (эта тема отдельного разговора, и дебаты вокруг нее делятся века), то даже самый правоверный христианин не станет спорить с утверждением о том, что большая часть христианского священного Писания, Библии, на русском языке называемая Ветхим Заветом, есть остов еврейской духовности. Поразительно, как можно было не признавать в течение двух тысяч лет, что отношение к еврейскому народу, к конкретным евреям, живущим рядом, выверяет христианина на чистоту христианства?! Даже если не делать многочисленных ссылок на Евангелия, где словами Христа говорится о недопустимости нарушать Закон, признаваемый евреями святым, то сам образ Христа, все то, что всегда связывается с ним, разве не учит милосердию?!

В контексте же наших рассуждений главным является то, что еврейского в европейце, по самым скромным меркам, не меньше, чем европейского в еврее. Такой вывод напрашивается, если отталкиваться только оттого, что европейская культура совершенно не мыслима вне той традиции, которая напрямую связана с христианством. Можно было бы продолжать и продолжать показывать, какое воздействие евреи, да и еврейская духовность как таковая, в целом, оказали на всю культуру Европы, но думаю, что пример христианства является вполне достаточным для того, чтобы сделать вывод: Катастрофу пережили и европейцы. Они лишились того, без чего себя не осознают. Они также лишились значительной части своей живой ткани, того, что у них, так или иначе, связано с еврейством.

Однако чтобы отличать жертв от насильников и пассивных

наблюдателей, понятие Катастрофа следует сохранить за той трагедией, которая разразилась с жертвами.

Интеллектуалы Европы сами дали определение тому, что произошло с европейской культурой в первой половине XX века, определение емкое и верное – Самоуничтожение. Доказательством этого может служить исследование, проведенное ведущими историками из двенадцати европейских стран: “История Европы”. Его “Глава X”, в которой характеризуется исторический путь Европы 1917 – 1945 гг., так и называется: “К самоуничтожению”. (См.: Альдебер Ж., Бендер Й., Груша И. и др. История Европы. Глава X: К самоуничтожению. – Мн.: “Вышейшая школа”, 1996, с. 318 – 349.).

Обратим внимание в данной связи на интеллектуальную ответственность современной элиты западноевропейской культуры. Слова, понятия, термины, дефиниции не формируются и не создаются на пустом месте, в них выражается суть происходящего. Исторический процесс первой половины XX века привел к Катастрофе европейского еврейства и Самоуничтожению культуры Европы. “Маршем смерти” завершился он.

Здесь не место рассматривать причины воскрешения европейской духовности. Заметим только, что его интенсивность была не одинаковой в разных европейских странах, но напрямую связанной с искоренением антисемитизма.

Для обозначения массового убийства еврейского народа нацистами в английском, французском, испанском, немецком и голландском языках принят термин “Holocaust”, что в переводе с греческого означает “жертвоприношение”.

Имеющая многовековую христианскую традицию европейская культура, в лице своих лучших представителей, испытала потрясение от того, что было содеяно в двадцатом веке.

Вот только несколько примеров этого.

Виднейший представитель философской франкфуртской школы Теодор Адорно, выражая умонастроение западноевропейской интеллигенции, восклицает: “После Освенцима истории больше не

существует”.

Попытка осмыслить произошедшее приводит представителей новой политической теологии к выводу о том, что заповеданное Иисусом Христом христианам осуществлено евреями. “И ведь вот что, в конце концов, получается: мы, христиане, узнаем ту самую судьбу, которую Иисус заповедал своим верным, не в нашей истории, не в действительной истории христианства, а в страдальческой летописи еврейского народа!” – пишет, И. Б. Мец. (Мец И. Б. Будущее христианства. По ту сторону буржуазной религии. – Вопросы философии, № 9, 1990, с. 99.)

Для представителей христианской культуры, свершенное евреями в период геноцида над ними напрямую ассоциируется с жертвенной миссией, предначертанной христианину самим Христом. Заметим, продолжая данную логику рассуждений, необходимо признать, что, исполнив миссию жертвоприношения, как и Христос, евреи воскресли, “смертью смерть поправ”. И наглядным доказательством этого является то, что Земля, обетованная Всевышним, им досталась, и самостоятельное государство еврейское, Израиль, впервые, после начала христианского летоисчисления, образовано. Отсюда становится понятным призыв тех же представителей новой политической христианской теологии ко всем христианам идти вперед вместе с жертвами. Отсюда же, понятно и их справедливое утверждение о том, что израильтяне “обороняют свое государство не под флагом сионистского империализма, а как дом от смерти, как последнее прибежище веками травимого народа”. (Там же, с. 103)

Вечное Молчание евреев XX века является укором европейцу XX века. В День Памяти на Земле народы Европы, воскресшие духовно, стоят в скорби, отдавая дань человеческого уважения тем, кто свершил именно то, что находится на верху шкалы их ценностных установок. Единственное, что может удручать в данной связи в настоящее время, еще не каждому европейцу дано понять, что означает Память Молчания, несмотря на то, что пройден рубеж не только кровавого века, но и второго тысячелетия.

Понятие Холокоста имеет и еще один важнейший аспект, напрямую связанный уже не с европейской, а с еврейской духовной традицией.

Убедимся в этом, обратившись к образу праотца еврейского народа Авраама.

История народа, сказанная в Торе, начинается с него. С него масштабные исторические события обретают собственную логику. Отдельной личности дано постигнуть эту логику отчасти и то по истечению определенного времени. Участвуя в событиях, очень сложно, если вообще возможно, осознать масштаб происходящего. Речь идет не о гегелевском “хитром разуме” истории: люди отстаивают собственные интересы, руководствуясь жаждой славы, честолюбием, тщеславием, а результаты их деятельности приводят к коренным изменениям в мировом историческом процессе, независимо от их страстей, желаний и амбиций. Речь идет о логике, заданной всей жизнью праотца Авраама, о логике Традиции.

Постичь эту логику, насколько мы в состоянии, помогает одна из притч Агады, сокровищнице народной мудрости, всенародной Торе, о потомстве Авраама, рассказанная раби Леви, со слов раби Йоханана:

“Одному страннику лежал путь через пустынную местность. На всем пути в продолжение десяти дней не встретил он ни поселения, ни корчмы, ни даже воды и какой ни на есть растительности. Наконец, показалось вдали дерево. А под деревом оказался источник. Поел странник плодов от дерева, утолил свою жажду, отдохнул в тени и, собравшись в дальнейший путь, обратился к дереву с такими словами:

– Милое дерево! Как тебя благодарить и чего пожелать тебе? Чтоб рост твой был хорош? Но ты и так стройно и прекрасно. Чтоб ветви твои были густолиственны? Но листва твоя и теперь уже густа и обильна. Чтоб плоды твои были сочны и сладки? Но они и теперь сочны и сладки. Чтобы ты не терпело недостатка во влаге? Но источник прекрасной воды бьет у корней твоих, и место, где ты растешь, прекрасно. Остается пожелать тебе одного: чтобы все побеги, которые пойдут от тебя, были во всем тебе подобны.

Так, после двадцати поколений, представлявших собою пустыню, появляется Авраам, самоотверженный служитель Господа, гостеприимный хозяин, наставник истинной веры, возвеличивающий в мире имя Бога живого и вечного. И вот, остановив на нем взор Свой, Господь говорит:

– Авраам! Что Мне сказать тебе и чем тебя благословить? Ты и теперь уже образец праведности и совершенства, и жена твоя, Сарра, исполнена благочестия и добродетели, и все домочадцы твои – люди праведные. Одного пожелаю тебе: чтобы все потомки твои были тебе подобны (Бам.-Р.11)”. (Агада. Сказания, притчи, изречения талмуда и мидрашей. – М.: Раритет, 1993, с. 30 – 31) Евреи Холокоста – плоды древа, дарующего жизнь, простотой Молчания оказались подобными Аврааму в праведности.

В чем выражается их праведность?

В чем благочестие мучеников лагерей смерти, невинно убиенных и до сих пор на земле, там, где жили поколения их родственников, не нашедших должного приюта праху своему? Не нашедших приюта праху своему означает, в частности, и то, что на месте Тростенецкого лагеря смерти, который, по количеству загубленных нацистами людей, является самым большим после Освенцима и Майданека, запланировано строительство коттеджей. (См.: Ботвинник М. Памятники геноцида евреев Белоруссии. – Мн.: Беларуская навука, 2000, с. 21 – 24, 27.)

Подобие евреев Холокоста Аврааму в праведности, их благочестие заключается и в том, что, как праотец, не желая того, они свершили жертвоприношение.

Таковой оказалась, непостижимая рационально и невозможная с точки зрения всего вероятного на Земле, логика их Ухода. Или, наоборот, Прихода к своим праотцам.

...Они хотели жить, как я, как Вы. Они хотели быть среди долин и рек, лесов и городов. На улицах своих дерзать. Праздники свои праздновать. Молитвы свои обращать к Нему. Песни петь. Мудрые книги читать. Любить. Растить детей, любовью порожденных. Они были такими разными, такими непохожими. Вы знаете, что среди них были богатые и бедные, расточительные и скупые, талантливые и суетливые...

Но в те кровавые годы им суждено было перейти порог желаний и

привычек, рассудительности и эмоций. В те кровавые годы им было суждено выйти за всякие возможные границы, войти в запредельную область. Этот выход “За” есть жертвоприношение. Непостижимым образом, но в жизни их праотца Авраама, через которого их народ получил первые Заповеди, как известно, жертвоприношение было одним из центральных событий и, пожалуй, в полной мере раскрывающее его сущность, его образ для потомков.

На старости лет, как сказано в Торе, Авраам и Сара обретают долгожданное счастье, в которое уже отчаялись верить, но которое было обещано Всесильным. Родила Сара сына. Являет себя миру Исаак. Сын Исаак – отрада. Сын Исаак – надежда. Сын Исаак – залог будущего. Однако свершается непостижимое с точки зрения житейской логики, невероятное в контексте всего того, что вероятно, невозможное из всего возможного на сотворенном для “дыхания жизни” пространстве. Отрада и надежда – само будущее – должно быть, согласно Его гласу, принесено “во Всесожжение”.

Каким образом ведет себя Авраам?

Он идет и исполняет Веление. Он – Исполняет. Не по своей воле шел, по Велению. Веление – Исполнил. Исполненное Веление оказалось – Испытанием. Но то, что это было Испытанием, Авраам и подумать не мог. Он-то построил жертвенник, он-то разложил дрова, он-то связал сына своего, Исаака, он-то положил сына на жертвенник, положил его поверх дров. “И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы зарезать сына своего”. (Тора. Брейшит. Ваера 22:10) В Писании до начала События нам сообщается, что оно – Испытание. Мы изначально готовы к положительной развязке драмы и волнуемся только за Авраама – выдержит ли? Но Авраам действовал, не зная развязки. Он готов был исполнить, нет, он Исполнил Веление. В неизмеримое количество раз ему легче было бы расстаться с собственной жизнью. Он принес жертву – немыслимую. Он жертвовал большим, чем его собственная жизнь, собственная душа: нет сомнений, он с большей легкостью отослал бы ее в ад, чем занести нож над Исааком.

Он, праотец Авраам, оказывается величайшей из жертв. Евреям Холокоста, согласно Традиции, в экстремальных условиях

предстояло быть подобными своему праотцу Аврааму. Историческая судьба народа сложилась таким образом, что он был вынужден действовать не по своей воле. Его непреодолимой силой принуждали. Но он должен был действовать. Действовать в ситуации, которая отнимала именно то, что присуще всенародной деятельности – собственное волеизлияние. Требовалось выйти, как Авраам, из всего, что только может быть возможным здесь-и-сейчас, в этом пространстве и в это время. Путь жесточайших испытаний предстояло пройти не одному человеку, пусть и праотцу, а целому народу. Но не прозвучал глас Всесильного. Да, не прозвучал глас Всесильного. Однако существовал образ праотца Авраама, существовал пример его поведения. Достаточно было вообразить себя жертвой, не палачей, для этого воображения не требовалось, жертвой “во Всесожжение”. Но в отличие от Авраама жертвам Холокоста не суждено было увидеть спасительного ягненка, “сзади зацепившегося рогами своими в чаше”. (Тора. Брейшит. Ваера 22: 13).

Так ведь не прозвучал глас Всесильного.

Да, не прозвучал глас Всесильного. Праотцу же было слышно Слово. Авраам и произносил слова, разговаривал со своими отроками, вселяя надежду в их сердца. Подобные ему евреи Холокоста были лишены права издавать звуки – не было гласа Всесильного!..

...Молчание – на Молчание...

В Европе, ставшей для евреев Землей праха, не существует более тех, кто говорит на идиш, – Молчание.

Сегодня наполнено звуками пространство Земли обетованной, звуками голосов родственников жертв Холокоста. Но звуки эти не языка идиш.

...Молчание – на Молчание...

Жертвы Холокоста – люди разных поколений, полов, характеров, судеб. Они противостояли насилию естественным образом, как противостоит все живое, столкнувшись с хищниками. Укрыть дитя и беременную женщину, обессиленных старуху и старика, уберечь

горло от клыков врага, глаза от когтей его – в порыве осуществить это проявлялся естественный характер их противостояния.

Там, где появлялась возможность сопротивления, они сопротивлялись. Слово “возможность” в данном контексте можно было бы взять в кавычки. О каких возможностях может идти речь в ситуации Невозможного! Но евреи Сопротивлялись. Восстания в Варшавском гетто, лагерях смерти Треблинка и Собибор – апогей Сопротивления.

Результатом их противостояния и Сопротивления явилось То же Великое Молчание в пространстве тех мест, где, требовавшая безмерных усилий, борьба происходила. Евреям Холокоста не дано было вернуться в местечки их довоенной жизни: послевоенные погромы в Польше, погромы в Венгрии, ненависть, с которой они столкнулись в Югославии, греческих Солониках, Дании, Бельгии, Голландии.

Зловещий своим цинизмом сталинский антисемитизм бывшего Советского Союза привел к физическому уничтожению лидеров еврейского антифашистского комитета, к “делу врачей”, и, наконец, им было задумано, им было спланировано...

Можно доверять либо не доверять определенным свидетельствам, но игнорировать их, как показывает исторический опыт, беспечно и безрассудно.

Прислушаемся: “Согласно сталинскому сценарию, должен был состояться суд над “врачами-убийцами”, который приговорил бы их к смерти. Некоторых “преступников” следовало казнить, других позволить разъяренной толпе отбить у охраны и растерзать на месте. Затем толпа должна была устроить в Москве и других городах еврейские погромы. Спасая евреев от справедливого гнева народов СССР, их предстояло собрать в пунктах концентрации и эшелонами выслать в Сибирь. ... По дороге предполагались “стихийные” проявления народного гнева – нападения на эшелоны и убийства депортируемых. Так Сталин готовил окончательное решение еврейского вопроса в России, как рассказал об этом Эренбург. Один из старых железнодорожников, живущий в Ташкенте, рассказывал мне, что в конце февраля 1952 года действительно были приготовлены вагоны для высылки евреев

и уже были составлены списки высылаемых, о чем ему сообщил начальник областного МГБ". (Борев Ю. Б. Сталиниада: мемуары по чужим воспоминаниям с историческими размышлениями автора. – М.: "Книга", 1991, с. 376.)

Те, кто пережил самые страшные часы Катастрофы, осознали, увидели, поняли, что чудовищный зверь человеконенавистничества еще не напился еврейской крови. "Если бы никого не осталось в живых, и последние тоже сгорели бы в языках пламени, то погибшие миллионы унесли бы с собой в могилу не только свои тела, но и великую истину. И истина эта о той жизни настолько ужасна, сущность происшедшего злодеяния настолько горька, что если бы у меня была хоть искра надежды, что все это уже навсегда прошло, я бы заповедал вам: "Молчите. Пусть растает в дымке вчерашнего дня этот кошмар! Пусть из тумана возникнет легенда. Пусть утешением нам будет иллюзия..." – так говорил партизан и поэт Аба Ковнер в июле 1945 года. Великое Молчание, сотворенное евреями Холокоста, было бы оправдано, им можно было бы завершить путь мучений, противостояния и Сопротивления, но во имя будущего своего народа необходимо было сделать следующий шаг, и Аба Ковнер указал на причины этой необходимости. – Но что сделать с тем, что в наших наболевших душах или в наших излечившихся душах мы несем не только картину прошлого, но и видение будущего. И мы чувствуем всеми фибрами своей души дыхание приближающегося костра. Дыхание пожара, тлеющего во всех уголках Европы, на всех ее дорогах и просторах. Этот новый пожар разожгли в Майданеке, Понарах, Треблинке, там, где миллионы людей из десятков стран видели, как это делают – с какой легкостью, с какой простотой, с каким спокойствием. И новый пожар просыпается в освобожденной Европе, где чувство вины миллионов соучастников убийств постепенно превращается в их знание, пока еще неосознанное, что это делать можно, что это делать выгодно". (Цит. по: Дан Михман, Иехиам Вайц. Катастрофа европейского еврейства. Часть 6. После Катастрофы. – Израиль: Издательство Открытого университета, 1995, с. 248.)

Следующим шагом явился Исход и, как его результат, Восхождение на Землю обетованную.

Великое Молчание, естественное противостояние и Сопротивление, в конечном итоге, оказались выходом из местечек рабства и тотального уничтожения: обретением Свободы!

Евреи Холокоста на своем страдальческом Пути воспроизвели “ситуацию Моисея”!

Задумаемся над тем, что в XX веке Традиция была продолжена судьбами тех, кто в силу неподвластных их воле обстоятельств, вынужден был явить свою последнюю волю...

Последняя воля жертв Катастрофы исполнена!

Еврейская Традиция включает в себя Письменную Тору и Устную Тору. Устная Тора не имеет завершения в пределах всемирной истории. Нам предначертано творить ее.

...Метафизика Молчания только-только зарождается... Targuhy
makalalar